

Магдалена Курапина

Магдалена Курапина родилась в 1985 г. в г. Харькове в семье военного, потом семья переехала в Санкт-Петербург. Драматург (лауреат премии «Действующие лица – 2012» за пьесу «неУДОбные»), театральный режиссёр (выпускница мастерской Марка Розовского). В 2012 г. создала независимый Театр «Мы», с которым ставит свои пьесы и гастролирует по городам России (Санкт-Петербург, Москва, Донецк, Луганск).

Эддикция

(главы из романа)

Зверь, который живёт во мне

(июль, 2008)

А что, если вы – это вовсе не вы?

А давайте вообразим, что вы – охранник галереи «Вин-завод»?

Едва заступив на ночную смену, взяли – и отлучились с рабочего места. Сигареты заканчиваются. И вот бредёте вы вверх по 4-му Сыромятническому переулку к Курскому вокзалу... Размышляете, пойти ли к ларьку, где подешевле, или сразу в магазин – там продавщица с мужем поругалась и, значит, скоро даст...

Стойте же, товарищ.

Пожалуйста, будьте осторожны!

Ведь навстречу вам бегу я.

И я, поймите уж, спешу больше вашего.

Бегу изо всех сил, никого вокруг не вижу...

А вдруг на ходу я втопчу вас в землю?

Я ведь не остановлюсь, чтобы обернуться и извиниться...

Я не остановлюсь, потому что я бегу на встречу с Моим Фиэром.

Навстречу моему Fear'у, моему страху, бегу ночью, зная точно, что там, где страх, будет – и свет...

Бег мой стремителен, но крив: я немного пьяна. О, вот же она, да – наполовину полная бутылка вина, в руке моей.

Ну, хорошо, согласна, может быть, я пьяна чуть более, чем немного. «Каюсь! – скажу я ему. – Просто разговор наш с Кариной затянулся, важный был разговор, у всех

же девок случается, пили три часа, соответственно – всего-то по одной бутылке в час, и это на двоих...» Тьфу.

А вы понимаете меня? Спасибо.

А вот Мой Фиэр опять не поймёт...

Я чего нервничаю-то: убеждаю саму себя в трезвости рассудка. Если выйдет – то и Фиэра перехитрю.

Он, Мой Фиэр, не должен знать, где и сколько мною было выпито...

Да-да, верно, эта, что в руке, уже четвёртая бутылка. Я одолею её быстро, сейчас, на бегу, уже без удовольствия. Для храбрости! Если бы вы могли подсказать мне точное время... Но вы уже далеко, в магазине, угощаете продавщицу джин-тоником...

А я выворачиваю на Сыромятнический проезд, вот помойка, туда летит уже пустая бутылка...

– Ха-ай! – приветствую бомжа, моего нового товарища, позавчера подружился, и пробегаю мимо дальше.

Сколько же секунд до двенадцати?

Когда я стартовала – было половина, 23:30...

Я должна настичь Моего Фиэра до того, как по московскому времени настанет полночь.

Московское время обгоняет меня, но кто победит – это ещё не ясно!

У нас с Моим Фиэром это всё принципиально, так заведено: минута до полуночи – это ещё вечер, и я могу надеяться на амнистию. А две минуты за полночь – уже косяк: я пришла домой ночью! Я получу своё наказание по всем статьям: мой Фиэр не скажет мне ни слова до вечера следующего дня. Фиэр будет сутки меня игнорировать.

– Дура! – ругаю я себя с досадой, боясь даже подумать, кем меня сегодня наречёт Мой Фиэр. – Тупица! – злюсь на себя, чтоб не отчаяться и не зареветь. А то тушь потечёт.

Мой Фиэр снова огласит приговор – что я «ленива, безалаберна, внутренне неорганизованна» и много других обидных слов. Это в лучшем случае – если заговорит...

Потому что я уже заслужила, уже задержалась: я могла вернуться в девять, в десять, в половине одиннадцатого, в конце концов. Нет же... Я, надрываясь, несусь к дому номер пять по Нижней Сыромятнической улице – в полночь. Ещё я пьяна, и, уверена, от меня несёт... Есть у меня шанс?

Шлагбаум, дом, кошка, ещё шаг, фяяяу, ещё, парадное, подъезд, или как правильно? Парадное или подъезд? Прочь, мысли, вы не вовремя... И всё же... Подъезд или пара-а?..

Идиотка.

Задумалась. Не успела притормозить.

Грохнулась у двери и сижу на асфальте.

Мне конец.

Падая, я повредила правый чулок. Да, вот тут, видите? Чулок разорван, и коленка теперь плохая, худшая, непригодная, мне стыдно, стыдно, ничего не исправить...

Я предстану перед судом Моего Фиэра пьяная, опоздавши и в рваньё. Вот и весь портрет. Я окончательно разочарую Фиэра... Он всё больше и больше сомневается во мне, с каждым днём, я это чувствую. А теперь – после такого – он может не заговорить со мной уже никогда, и будет прав.

Ты от меня

Убежал, как от огня...

Я бы тебя,

Мой любимый, догнала!

Но, к сожаленью,

Чулок я порвала.

Шепчу я эти строчки из песни, которую мы сочинили с моей питерской подругой Милой в десятом классе, когда решались стать рок-звездами.

– Рваные колготки

Нашей любви помеша-а-а-ли...

Счастьем насладиться

Ни хера не да-а-али... – напеваю я себе под нос.

По которому предательски ползёт крокодилья слеза.

Прежде чем встретиться с Моим Фиэром лицом к лицу, я убеждала себя и вроде бы даже получалось убедить окружающих, что создание я не глупое, даже местами возвышенное... Обучалась на режиссёрском, три курса уже окончила, издавала нравилась всем мужикам, стихи с трёх лет сочиняла... Убеждала себя, что уже поселила в недра своего нутра существо самобытное, и самостоятельное даже. А теперь убеждаюсь в обратном.

Мой Фиэр. Вот кто идеален.

Сейчас скажу, хоть и побаиваюсь рассуждать о нём всуе. А вдруг услышит, что треплю языком...

Но мне так хочется!

Он – для меня.

Я искала его и верила, что найду, иначе не выжить.

Он лучше меня и лучше всех.

Он таков, какую в мечтах видела себя я – идеальной...

Он – просто Эдуард.

Просто он – Эдуард Лимонов.

Когда я узнала его, все мечты об идеальной мне растворились в реальности. А реальная неказистая я растворилась в Моём Фиэре. Пусть!

Он утверждает, что вот он – светлый, а я – тёмная, и тогда мне обидно, сердце сжимается. Это не я тёмная, это жизнь моя была тёмная, но я же иду на его свет...

Он спас меня, это правда, вытащил из ада – точнее, из этого Купчина с запойной матерью и её собутыльником-зэком Борей, который бил меня, а мать резал ножом, и они оба превратили квартиру в притон и сообщала меня обкрадывали.

Я упрямо, из раза в раз рвалась спасти мать и жила её зашуганным надзирателем.

Однажды даже, пару лет назад, я твёрдо решила убить зэка-Борю. За то, что он порезал моей матери горло острым ножичком для бумаги. Удар пришёлся в нескольких миллиметрах от сонной артерии, вся квартира купалась в крови, но мама, ни разу до конца так и не протрезвев, на очной ставке со мной по этому делу как баран повторяла, предавая меня с каждым словом, что то был несчастный случай.

Борю отпустили, и тогда я решила его убить. Нашла каких-то хулиганов, которые согласились за пять тыщ (а в смерти зэка-пропойцы никто бы не стал копаться и разбираться), нашла пять тыщ...

Но в самый последний момент я отменила спецоперацию. Я не смогла...

Я была «травмированный ребёнок», так это сейчас модно называть? «Ну конечно, была. И, наверное, есть», – думаю я с ужасом, немного даже озираясь, – а вдруг кто-то услышит эту мою мысль. На мне и так уже клеймо моей личной семейной трагедии, я его шкурой ощущаю, шлейф этой боли, столько уж дерьма приключилось, это ведь я ещё только в общих чертах всё описала... Среди моих знакомых нет никого, кто бы регулярно травился такой же порцией разрушения или больше. В этом да, я особенная, не похожа ни на кого.

«Ты, конечно, никогда уже не будешь обывателем», – сказал мне Мой Фиэр, будучи в отличном настроении. Из его уст такое – похвала и даже – восхищение.

«Не буду, любимый, может, и хотела бы, но не смогу, даже если захочу».

Наблюдаю людей – почти каждый хочет особенен быть, кто шизофрению себе сам припишет, кто МДП без врачей назначит и объявит... Модные. А я думаю, что это совсем уже и неважно, травмирована я или нет, мало ли кто чем травмирован, важно только то, что источник моей беды всегда прежде находился рядом, и ничем его было не заткнуть. До встречи с Эдуардом.

Ощущение безвыходности и незащитности годами пожирало меня снаружи и изнутри. Я бежала от этого чувства: ночью – в работу (устроилась танцовщицей в клуб), днём – в обучение театральной режиссуре...

Но мои одноклассники в Институте культуры считали, что вот она я, в отличие от них, приезжих из Екатеринбурга, Мурманска и Кургана, – петербургский сноб. И отношения с ними не сложились. Они не знали, что, пока им родители понемногу покупают комнаты в центре города, а иногда и квартиры-студии, у меня просто не было и нет ни семьи, ни дома, ни сна.

Я казалась им высокомерной, когда старалась просто не расплакаться на репетициях, зная, что сегодня, снова придя по адресу прописки, я туда, в квартиру, может, и не попаду. Если пьяные мама с Борей закроют входную дверь изнутри. Придётся вызывать ментов, МЧС или просто сидеть часами на лестнице. Это ещё в лучшем случае. А может, и опять поножовщина, или труп какого-нибудь передознувшегося или просто траванувшегося техническим спиртом алкаша в коридоре; или взломали дверь в мою десятиметровую комнату и снова украли и пропилили

моё последнее, что-нибудь вроде копилки, которую мне перед смертью подарила моя бабушка...

Копилку украли крайний раз, недавно. Потом я случайно увидела эту копилку у соседки на полке, зайдя к ней с очередным поиском по подъезду моей нетрезвой матери, и... Я должна была сказать: «Какого хера? Отдай сюда. Моя!» Но сердце ушло в пятки от ощущения совершенного мамой кощунства, я обомлела и молча вышла вон.

Я понимаю, что мать больна, она просто душевнобольная, и спрос с неё никакой, но я никак не соглашалась отбросить попытки излечить её душу, отказывалась увидеть, что вытащить из этой ямы мне её не по плечу, и раз за разом срывалась вместе с нею с обрыва.

Год назад широкодушный (это не ошибка и не опечатка!) еврейский парень, мой постоянный любовник, прочтя мой рассказ «Несоответствия», сказал, что я – как какой-то Лимонов, дал мне книги, явно не без умысла... и тут я узнала Его, что вот он – существует. И тогда я пошла и сама нашла его...

Как – это я вам потом расскажу, у меня не было права на ошибку, каждый шаг был важен, чтобы он распознал во мне меня, чтобы среди миллиарда чужих вибраций воплем прорвался мой сигнал: «Приём!»...

Узнав его, я знала сразу и то, что он меня поймёт, и он понял. Спустя два месяца после знакомства (я выжидала, чувствовала нужный срок), он сообщил, что спит с моими рукописями под подушкой. Это он так мне ответил на сигнал, мол, приём, приём, на связи.

Он спас меня влюблённо: легко и играючи (другой бы так не осмелился).

Но, похоже, не рассчитал, насколько я сложная и дикая: теперь со мной надо жить, приходится, и, скорее всего, он об этом пожалеет. Никто не показал мне, как жить счастливо, не научил. И всё, что я пока умею, – это

защищаться или преклоняться. Как запуганный зверь. Наверное, поэтому он и называет меня Зверем, а вовсе не потому, что романтизирует сам себя и повторяется, уже назвав так кого-то в своих книгах. Настоящий Зверь – это я. Только крайности, на инстинктах, основной из которых – просто выжить, а не то, что принято считать. То, что принято считать, – это когда ты сам более-менее в безопасности, тут можно и о других подумать, размножиться там даже... Но если ты сам выживаешь, то приучен обстоятельствами думать только о себе. Возможно, поэтому я не умею пока никого любить правильно, вот хочу, но не знаю – как и что делать.

«Девочка, беги оттуда, а то кончишься!» – сказал Эдуард, приехал за мной в Купчино на своей чёрной «Волге» и увёз оттуда в другую жизнь. Неизвестную, но другую. Мама и зэк из окна смотрели нам вслед...

«Воспользуйся мной, как хочешь, если захочешь, – каждый вечер мысленно прошу я Эдуарда, вглядываясь, сидя за кухонным столом, в его затылок, когда он жарит нам стейки. – Я так хочу. Только распознай меня в себе, хоть немного... Сделай так, чтобы я – была. Делай со мной что хочешь и пиши обо мне что захочешь, я буду счастлива, если хоть зачем-то пригожусь...»

Развернувшись – стейки готовы, Эдуард обнаружит эту уже привычную картину: я по-прежнему сижу напротив, сгорбилась, но сижу. Наш обычный ужин, когда ночь медленно накрывает город, по одному ворую предметы из поля зрения. Опускаю взгляд, нет сил сейчас заглянуть в его глаза, оттенённые наступающим сумраком. Да и хочется, чтобы он не видел моих, там скапливаются эти жуткие слёзы. Оттого, что я знаю жуткое: мы очень скоро

расстанемся. Так придётся, точно придётся, в любом случае... И тут так жаль становится мне!.. Мне жаль и себя, и его.

Он любит бытие.

А я люблю его.

Уж так, как могу...

Вернёмся к парадному.

Пусть такова, да: рваные чулки, пьяна, несуразна, старомодна. Меня раздражает сленг, все эти «классно», «круто», «позитив», «модернизация». Зато я знаю наизусть монолог Ярославны, боюсь слова «боюсь», танцую стриптиз – много достоинств...

Сижу у подъезда и писать хочу, и вот уже не до лирики – ничего не остаётся, как встать, влезть в парадное, забраться на второй этаж, во всей красе предстать перед Моим Фиэром, в полной мере понести наказание.

Проделываю это, но перед дверью в квартиру вновь в смятении: КАК войти?

Варианта два:

– отворить дверь своим ключом (есть риск, что Мой Фиэр занят, не услышит, как я вошла, внезапное появление отвлечёт его, – так уже было, и он был недоволен),

– второй вариант – позвонить Эдуарду на мобильный, сказать, что я тут, у двери, чтобы сам мне открыл (есть риск, что Мой Фиэр занят, я его отвлеку, он спросит, какого чёрта я не открыла дверь своим ключом, – так уже было, и он был недоволен).

Но есть же и третий вариант – открыть дверь нарочито громко, как бы заявить: «Я явилась! Встречай!»

Сложный выбор...

У вас может возникнуть вопрос: зачем я вообще туда иду? (Какого хрена я туда прусь, если всё так сложно?) Ответ прост: там – он, а я, блин, ещё тут. К себе домой я не попаду: у меня нет дома. А туда попасть – надобно. И да, там есть туалет.

Вставляю ключ в замок, молясь, чтоб замок не заело (и так тоже уже было), проворачиваю этот ключ в одном замке, второй ключ – в другом замке, туда-сюда... Вуаля!

Тихо переступаю через порог. В коридоре – темень. Прислушиваюсь, приглядываюсь. Он, может быть, или ещё занят, или уже спит. В обоих этих делах он тих и прилежен, и нельзя ему помешать. И на кухне – темно, его там нет... Сходила в туалет, не включая света. Следующая задача – определить, где именно Мой Фиэр находится. Иду вдоль коридора на ощупь. Если он спит, то в дальней комнате, там наша кровать; если работает – то в своём кабинете, сбоку. Ступаю дальше во мрак, изучаю пространство на наличие Фиэра. Так-так... В кабинете света нет – сочился бы сквозь щель свет Моего Фиэра! Значит – спит! Крадусь в дальнюю комнату, нашу, попутно раздеваюсь. Через голову снимаю платье, вынимаю шпильки из волос (я ношу ретропричёски), вхожу в комнату, стягивая чулки, нащупываю свой, левый край кровати и осторожно ложусь.

Я сплю слева, а Эдуард – справа. Так у нас заведено.

Я не тяну на себя одеяло, лежу поверх. Закрываю глаза, отвернувшись от Фиэра, почти не дышу. Опасаюсь, что учует запах алко. Наконецдвигаюсь поближе. Лежу так ещё пару минут, не поворачиваюсь. Замираю, прислушиваюсь. Убеждаюсь, что Мой Фиэр спит, судя по всему, крепко – даже не ёрзает во сне, как обычно. Порою, если он так крепко спит, я им люблюсь – во мраке разглядываю очертания его лица. Но сегодня я провинилась, это нельзя. Так стыдно, что не могу даже развернуться в его сторону...

Уснуть рядом с ним, ясное дело, я тем более не могу!

Честно призываю сон, но Зверь, живущий во мне, спать не даёт. Я изо всех сил закрыла глаза и будто бы даже сплю. Я сплю! Но этот Зверь действует иначе, и совладать с ним я не в силах. Зверь меня не слушается, когда находится во власти Моего Фиэра. Зверь полностью просыпается ночью, когда Фиэр рядом. Возможно, у Фиэра с этим Зверем какие-то свои отношения – точно не знаю. Часто, когда ночью Мой Фиэр скручивает меня, то приговаривает: «Зверёныш, Зверёныш...» Он вроде бы обращается лично ко мне. Но всё-таки это наводит на некоторые подозрения...

И вот снова: Зверь разбушевался в моих внутренностях, как подлый гад. Ползает внутри меня, и греет, и жалит... Боль от этих укусов разливается горячими волнами по всему моему телу. Каждая такая волна сильнее и мощнее предыдущей. Я не борюсь со Зверем – знаю, что бесполезно. Попробую договориться. Хорошо, Зверь такой, давай попробуем – а вдруг Фиэр простит нас с тобой, Зверь? Улажено, распределено: Зверь действует, а я лежу на шухере – на тот случай, если вдруг Мой Фиэр погонит Зверя прочь. И тогда я скажу Зверю: «Всё, наш Повелитель отдыхает!», в общем, успокою Зверя до следующего раза. Но пока – пытаем удачу.

Волны становятся всё упрямее, и Зверь плывёт себе по ним, настойчиво потягивая мою попу в направлении Фиэра. Это всё не я, не я, это он...

Я-то по-прежнему не поворачиваюсь и не шевелюсь – сплю. Пересекая границу – середину кровати, моя попа оказывается в опасной зоне. Ещё пара поподвижений – и она упрётся в Фиэра. Тогда, но ни секундой позже – упаси Господи! – мы со Зверем замрём в ожидании реакции Фиэра на нашу наглость. А реакция – непредсказуема, может быть разной, тут не угадаешь заранее...

Изогнувшись в последний раз, я уже там – на вражеской территории, а Фиэра всё не чувствую... В чём дело?! Зверь, что не так?!

В смятении поворачиваю лицо в сторону Фиэра. Полумрак уже рассеялся, и я смогу всё разглядеть. И что я вижу?.. Фиэра в постели нет! Он там отсутствует!

Идиотка. Совсем чокнулась уже со всеми этими своими зверьми и тараканами. Видали? С полчаса соблазняла пустую кровать. Ты лежишь одна, Фиэра твоего и след простыл!

А где Он, кстати, а?

Вскакиваю, включаю свет в комнате. Лампочка зажглась и сказала мне: «Ха-ха». В трусах бегу по коридору, врубаю свет и на кухне. Ищу, вижу – на кухонном столе записка. Новая в мою коллекцию записок этим почерком:

«Елена, я поехал по делу на несколько часов. Кушай суп, чуть осталось. Либо жди меня, приеду, сделаю курицу. Э.».

О, радость-то! Пронесло же! Кто ж так постарался, а? Эдуард не узнает о моём опоздании и не поймёт, что я была пьяна. На ближайшие сутки я спасена!

– Спасена! – пританцовываю по коридору. Никакая курица не нужна, так я рада. Ура!

Хватаю книгу – какую он вчера мне дал? «Биография Гитлера». Прыжком плюхаюсь на кровать и занимаюсь наиважнейшим делом своей жизни – жду Моего Фиэра.

Просыпаюсь внезапно, от грохота в коридоре и возгласа оттуда же: «Твою мать!»

Книга, с которой я уснула, захлопывается.

«Сколько время и сколько их там? Что происходит?» – судорожно ищу мобильник, нахожу – полвторого. Мало спала, но совсем протрезвела. Прислушиваюсь. Грохот

не утихает. Кутаюсь в одеяло и выжидаю. Удар в дверь. Дверь распахнулась. И вот – Он.

– Соскучилась?! – Не знаю, как и реагировать на столь бурные проявления эмоций Фиэром, ему не свойственные. Притворяюсь спящей. Что стряслось? Революция, никак?

Мой Фиэр тем временем широкими шагами направляется к кровати, и, наблюдая за этим шествием, я вдруг понимаю, что Эдуард просто в стельку пьян!

О, счастье!

Для меня, признаться, нет радостнее мгновений, чем когда Фиэр Мой пьян! Я обожаю, когда он пьян. Обожаю – это ещё мягко сказано. По сути дела, сквозное действие последних месяцев моей жизни – напоить Эдуарда. А напоить Моего Фиэра – задача не из лёгких. Удивляться этому нечего, он – особенный тип, ничего общего с алкашами не имеющий. Он, конечно, сам о себе шутит в книгах, что алкаш. Но это он так заигрывает. Он той редкой породы людей, кому пьянка сама по себе скучна и уныла, если не сопряжена с чем-то важным и грандиозным. Такие не спиваются. Когда он выпивает, то весел и игрив. И даже иногда (случается и такое) говорит комплимент. Мне крупно повезло!

Когда Эдуард пьян, я могу себе позволить больше дерзости, в общем, это единственные, пожалуй, часы, когда я это могу себе позволить и вольна вести себя рядом с ним вполне естественно. Выпив, Эдуард не ругает меня, не напоминает о том, как я несовершенна, и не упрекает в том, что я несобранна, ленива или глупа. Так что если Мой Фиэр пьян – это для меня настоящий праздник!

И сейчас он как раз пьян, а значит – будет мне счастье! Выпрыгиваю с визгом из-под одеяла и, гогоча, помещаю падающего в постель Фиэра в свои объятия. Укладываю его на лопатки поперёк кровати, а сама запрыгиваю на него сверху и сжимаю мужчину между ног. Фиэр недоволен тем, что я сверху, изворачивается, заламывает мне руки, сбрасывает с себя, укладывает на живот лицом в подушку и ползёт сверху сам. Сквозь смех у меня вырывается пороссячий хрюк, я скалюсь, поворачиваю шею назад, зубами вцепляюсь в плечо ползущего на меня Фиэра и соплю.

– Зверёныш, – шепчет Фиэр, – Зверёныш!

...Спустя час – мы боролись целый час – я лежу на груди у Эдуарда, сложила там руки. Это признак того, что мы наконец-то намерены спать. То есть мы ещё не спим, но пора бы! И вот я лежу и млею. Целую его грудь и нюхаю его запах. Немного грущу, что, может, Зверь мой – это гад, и Эдуард должен будет избавиться от паразита так, как когда-то от котёнка в Париже.

– Да, – вдруг шепчет Мой Фиэр, – да, маленький мой, – и я вся залезаю сверху, впиваюсь в него когтями, почмокивая.

– Да, да... – повторяет Фиэр, и (здесь я вовсе и не сочиняю) кладёт мне палец в рот. Я кусаю его палец, видя, что сегодня – можно. Вот оно – ликование Зверя, который живёт во мне.

Вдыхаю любимый запах больше, шире, от желания вдохнуть ещё, схватить весь – погружаюсь под одеяло, продолжая кусаться. Я готова делать это бесконечно – если потребуется, если он мне позволит. Я хочу даже пальцы его ног, кусать их, и пятки, только бы он мне

разрешил, Мой Фиэр... Я ползу всё ниже... я даже могу вот так...

«Это нужно заслужить!» – научил меня Мой Фиэр. Чем же я так заслужила сегодня?

Я благодарна ему, что он есть. И, не умея выражать благодарность, и чем более мне стыдно от того, что нет во мне никакой элементарной человечей, прикладной, простой житейской ценности и гармонии, тем с большим упоением и благоговением я....

Скажете, озабоченная какая-то? Сущая правда! Я очень озабочена всем на свете, и это всё на свете сейчас сосредоточено в одном существе.

– Ммм, – мычу я под одеялом, – я хочу жить и умереть здесь, так жить и умирать... хочу так жить... Жить хочу!

Наутро Мой Фиэр спросит меня как бы невзначай:

– Кстати, а мы вчера?... – будто не помнит.

– Ну... Немного... – отведу я взгляд.

Это он ищет повод, к чему бы прицепиться, например, назвать меня фригидной. А может, просто бахвалится сам с собой.

– Что видела? – интересуется у меня Эдуард, когда я возвращаюсь от Курского вокзала.

Я купила себе пирожок и делаю вид, что завариваю чай. На самом же деле я чай не завариваю, мне чай уже до лампочки. Я трепещу оттого, что в кухню вошёл Мой Фиэр. Я опасаюсь что-то сделать не так, посему всё упорнее демонстрирую, как по-деловому завариваю чай. Сосредоточенно переливаю кипяток в стеклянный заварочный

чайник над раковиной. Этот чайник Эдуард торжественно купил нам, когда мы отправились в супермаркет «Икея» мне за шкафом: некуда было повесить мои танцевальные костюмы. Эдуард подарил мне зеркальный шкаф и кипарис в горшке, а нам обоим – купил этот чайник.

– По пути зашла в галерею современного искусства! – хвастаюсь я, дабы он больше не указывал мне на то, что я «не интересуюсь окружающим миром». Ещё как интересуюсь!

– И что?

– Ну... – я стараюсь ответить честно, вникнуть в суть вопроса, донести те мысли, которые родились при посещении галереи, путаюсь в словах и теряюсь. – Ну... мне, если честно, ничего не понравилось, там же...

– Ну да, – задумчиво произносит Фиэр, совсем не глядя в мою сторону, – что может впечатлить женщину, которая даже не кончает.

Я не отвечаю ничего. Мой Фиэр отходит от окна и поворачивается в мою сторону. Я вздрагиваю.

– Он сам, – говорю, – я случайно... Не знаю, как так... – оправдываюсь, придерживая руками над раковиной два внушительных стеклянных осколка. Заварка – в раковине.

– Что?

– Чайник... Он сам разбился... Лопнул... Я не знаю!..

– Да ладно, – утешает меня Эдуард, – выброси его.

Если я с утра не поела, у меня болит живот.

Вообще-то, если уж быть до конца честной с собой, живот болит в первую очередь оттого, что я вчера снова выпила лишнего.

Говорю же – мне важно напоить Фиэра, чем я ежевечерне и занята. Но в большинстве случаев напоить

удаётся только саму себя. Отчего утром и болит живот. Я ещё и курю сразу, спросонья. Эдуард не завтракает и не курит. А я согласна на всё, чтобы жить с ним. Колики не помеха.

– Что ты делаешь? – обрушивается вопрос от Фиэра, вошедшего на кухню, в то время как я обмазываю сливочным маслом очередной ломоть булки.

– А что я делаю? – боязливо интересуюсь я и, опустив голову, оставляю булку и нож в покое на столе.

– Кто так делает? Тебя не воспримут всерьёз нигде в приличном обществе! Следует, если ты уже обмазала маслом один бутерброд, съесть сначала его. А уже потом приниматься за второй. Иметь перед собой сразу два – неприлично. Это необходимо знать.

– Да, – соглашаюсь я и демонстративно заглатываю один из бутербродов, чтобы он исчез со стола, будь он неладен. Эдуард, поглядывая на мои идиотские действия, включает радио. – Я, знаешь что, я сегодня буду...

– Тихо, – командует Мой Фиэр, – я слушаю радио.

Я с досадой продолжаю жевать и думаю о том, что очень жаль, что в приличном обществе всё расценивается только маслом и бутербродами. «Пусть бы, – думаю я, – когда окажусь в “приличном обществе”, этому обществу было глубоко наплевать, как и в каких количествах я намазываю масло на булку. Было бы лучше, чтобы общество вообще приняло мои манеры за приличные и стало делать так же, как я».

«Ведь я, конечно, девушка нервная, сумасбродная, но всё же очень симпатичная!» – размышляю я и, пожёвывая, люблюсь на себя в зеркало. Зеркало висит прямо над столом, так что выходить из-за стола, чтоб полюбоваться, не нужно. Очень удобно, скажу я вам, когда необходимо убедиться, что я «очень симпатичная».

– Очень симпатичная! – произношу я вслух, улыбаясь зеркалу. На самом деле, конечно, я посылаю эту фразу непосредственно в уши Фиэра, как бы в оправдание – что есть, присутствуют у меня достоинства.

– Idiot! – ласково ухмыляется Эдуард. – Что это у тебя под носом? – И я с сокрушением вижу, что под носом у меня появилась набухшая красная кумаха. Сразу я не заметила. А вот Фиэр – заметил. Значит – видно.

– Не знаю... – оправдываюсь. – Простуда, наверное...

– Может быть, это аллергия?

– У меня нет ни на что аллергии. Не бывает...

– Или я тебе бородой натёр, – угадывает Эдуард.

– Аллергия на тебя, в общем, – пытаюсь пошутить я и ловко хватаю его за штанину, потому что он опрометчиво оказывается в зоне моей досягаемости.

– Лена! – отдёргивает Эдуард свои штаны. – Я иду работать. Не отвлекай меня! Необходимо сегодня дописать две статьи, а в три я уеду.

«Какая радость!» – отмечаю я. То, что в три он уедет, несказанно радует меня, потому что у меня будет шанс спокойно помыться. Я, признаться, обожаю мыться долго, к тому же мыться – издержки моей профессии, мыться мне нужно для работы, которую я предполагаю сегодня себе найти. Важно быть чистой и с хорошо выбритыми ногами – это моё резюме. Я же танцовщица.

Но Мой Фиэр совсем не разделяет этого моего мыльного увлечения. Он каждый раз, застав меня плескающейся в ванной, отмечает, что я зря теряю время. А ванна у нас прямо на кухне! Так что неудивительно, что Эдуард застаёт меня там изо дня в день, и часто далеко не в самом для меня выгодном ракурсе. Обесцвечивающей волосы на руках, например. Эти все махинации его, конечно, раздражают. Он не хочет принять и учесть то, что мне это всё нужно, а не трата времени. В общем, я рада, что смогу

намываться полчаса, когда в три Мой Фиэр уедет. А захочу – и весь час, на два дня вперёд, заранее. И даже смогу включить на кухне музыку и подпевать, нанося бальзам на волосы.

– Так что ты говорила, ты сегодня будешь делать? – наконец вспоминает Эдуард.

– Как всегда... Пойду искать работу.

Я уже почти решила рассказать ему о своих соображениях относительно «приличного общества», за борт которого он меня заранее выбросил, но он выходит с кухни. Да лучше не надо, ещё на рожон лезть. «Тебе виднее, мой светский лев, тебе всё виднее!» – посмеиваюсь я про себя, я в хорошем настроении.

Чтобы скоротать время в ожидании лёгкого пара, я отправляюсь по своей проторённой дорожке к Курскому вокзалу. Мне якобы нужно купить шампунь. На самом же деле я иду в переход метро, чтобы снова купить эти пирожки и съесть их. Я повадилась покупать пирожки в переходе метро «Курская». Я с утра не наедаюсь. А сегодня бутерброды и вовсе как-то не пошли. Так что я иду к ларьку за пирожками. Здесь ларьки называют палатками. Это Москва. Если бы у меня были деньги, я бы, конечно, сходила в кафе. Или в «Макдональдс». Или даже в блинную «Теремок», куда меня всегда водил тот мой широкодушый еврей... Но сейчас, вы уже это поняли, денег у меня нет совсем! У меня нет постоянной работы. Наскребаю тридцать четыре рубля, покупаю два пирожка с сыром. По пути обратно я съедаю эти пирожки. Поначалу я таскала пирожки домой, но однажды Мой Фиэр, надкусив один, заметил, что пирожки эти – отвратительны. Так что теперь я не бужу лихо, да и признаваться в том, что не наелась, как-то неудобно, всё это такая какая-то ерунда и мелочи. Скажу Эдуарду, что не нашла нужного шампуня.

Я живу в Москве совсем недавно, пока ещё не привыкла, поражаюсь некоторым особенностям столицы. В первую очередь наличию огромного количества палаток и торговцев всякими редкими товарами, из серии сумок Birkin за пару тысяч. У нас в Санкт-Петербурге никаких палаток (тьфу ты чёрт, у нас же ларьки!) давно нет. Для того, чтобы купить пачку сигарет в Петербурге, необходимо дойти хотя бы до универсама. А в Москве – на тебе! – пирожки в метро. Может быть, в связи с этими палатками, а может быть, оттого, что Москва – резиновая, на улицах полным-полно бездомных. Я их столько никогда не видела прежде. Каждую столичную скамейку облюбовал какой-нибудь уличный житель. Не только у вокзала, а вообще – почти все скамейки Москвы ими заняты. Идёшь мимо и видишь, как на скамейках люди едят, спят, выясняют друг с другом отношения и ковыряются в своих котомках. Неподдалёку от дома, где мы с Эдуардом живём, в самом центре города, некая социальная служба организовала угощение бездомных горячей пищей по понедельникам. И в такой день, шагая к нам в гости, по пути можно встретить много людей, сытых, загорающих на солнце!..

– Иногда бомжи – очень хорошие люди! – сказал мне Эдуард, когда я выразила недоумение их количеству на улицах. Я, впрочем, уже сама убедилась, что бывают хорошие. Завела себе одного из них как бы в приятели.

Знакомых-то у меня в Москве нет, только Эдуард и певица Карина, дочка мэра одного из городов Золотого Кольца, мы с ней познакомились на кастинге в стриптиз-клуб, я искала работу, а Карина хотела устроиться в клуб назло папе, который не соглашался с её переездом в Москву. Клуб нам не понравился, но мы подружились. А больше никого нет. Так что пока я рада налаживанию любых связей и делюсь со своим новым другом тем немногим,

что имею. Мой товарищ живёт на помойке, куда я выношу мусор. Странноватая, но уже устоявшаяся дружеская связь. Правда, на протяжении всей этой дружбы мы не сказали друг другу ни слова. Я, прогуливаясь, просто иногда дарю ему молча мелочь. Увижу его – и кладу несколько монет на поребрик рядом с помойкой. Он, наверное, уже знает, что когда деньги есть у меня, то я дам часть.

Первый раз я увидела этого парня (или деда, или мужчину – сложно определить) в тот же самый день, когда впервые приехала к Эдуарду в гости и он уже предложил, а я согласилась – остаться жить. Тогда, по пути в магазин за вином (надо было отметить серьёзное решение!), я заодно несла пакеты с мусором. И когда я аккуратно засовывала эти пакеты в мусорный бак, оттуда, из бака, появилась волосатая башка, а вслед за башкой – бородатая рожа. Сначала я перепугалась. Побросала пакеты и ушла прочь. Но, когда я рассказала про этот случай Эдуарду, тот пожурил меня, сказав, что я была очень не права. Обидела человека.

– Но он же напугал меня!

– Ты не понимаешь. Это способ его защиты – напугать.

– Но я же не думала нападать на него! Я просто хотела выбросить мусор.

– А откуда он мог знать, что не думала? Тем более, может быть, там, в этом баке, его дом, – объяснил Эдуард. И мне стало жаль того бородатого.

Во время следующего внеочередного похода за вином я, спускаясь на Нижнюю Сыромятничекую, пританцовывая и напевая арию Магдалины, вновь увидела ту же торчащую из помойки башку. Подошла к баку и положила на поребрик, перед глазами этой башки, так, чтобы он увидел, двадцать пять рублей.

Я была в коротеньком белом платье.

«Я так счастлива!» – обнаружила я.

Счастлива я с недавних пор, как вы уже знаете. С этих самых пор.

Мы живём на съёмной квартире, но мы живём в Москве, в Сыромятниках.

В феврале этого года Эдуарду исполнилось шестьдесят пять лет, а мне в мае – уже целых двадцать три.

«ДОБРОЕ УТРО, ЛУЧШИЙ МУЖЧИНА ВСЕХ НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ! И УДАЧНОГО ДНЯ!» – отправляю я, проснувшись очередным днём, письмо по интернету на его электронный адрес.

В этом нет ничего странного – это я так оповещаю Моего Фиэра, что уже тоже встала. Когда я просыпаюсь, он работает в своём кабинете. Вчера я, кстати, так и не успела помыться, поскольку готовила любимому сюрприз, взбрело мне в голову. Во время его отсутствия я выводила, раскрашивала, мастерила и клеила плакат. Планировалось, что я уложусь с этим делом в пару часов максимум и к возвращению Фиэра в коридоре будет вывешена настоящая растяжка с такой вот надписью: «Лучшему мужчине всех народов и цивилизаций! Я Вас Люблю!». Но на середине этого важного лозунга у меня закончилась краска в красном маркере, я тут же нацелилась бежать в магазин канцелярских товаров и купить новый маркер, – и тут вдруг Мой Фиэр вернулся. Раньше обещанного времени.

Мне стало как-то стыдно, что я такая дура, занимаюсь какой-то хернёй в глупейших попытках его порадовать. Мне же двадцать три года. Заняться бы чем-нибудь серьёзным! Этому он меня учит, а я внимаю, но не до конца получается внять. Я скомкала недоделанный плакат, убежала в спальню, засунула своё декоративное творчество в пакет с грязным постельным бельём. У нас нет стиральной машинки: Эдуард считает, что машинка в доме – лишнее, признак буржуа и постылого быта. И возит с охранниками

бельё и одежду в пакетах в прачечную. Я подсчитала, что, конечно, в итоге прачечная обходится куда дороже, чем покупка и содержание стиральной машинки. Но это ладно, раз его раздражают даже мои висящие сохнувшие стринги (их я в прачечную не сдаю, постирать трусы в прачечной – дороже покупки новых, стираю сама), то развешанных по дому мокрых простыней его натура точно бы не стерпела. Пусть как есть, ему – прачечная, а я – из института культуры, тоже не лыком шита, интеллигентно согласна, что это его дом, его правила и его стиль. Да и у самой у меня никогда стиральной машинки не было, нечего и начинать. Главное, что нашлось куда спрятать злосчастный плакат – среди наволочек.

– Чем была занята? – любопытствовал Мой Фиэр, образовавшись в комнате аккурат тогда, когда в моих руках остались только ножницы, я спрятала их за спину, – что там у тебя?

– Я... – не успела выдумать, что сказать, разволновалась.

– Зачем ты прячешь за спиной ножницы? – насторожился Эдуард.

– Я просто делала постер...

– Что за poster? – как-то недоверчиво Фиэр отреагировал на мою правду.

– Ну... Постер. Я хотела написать на нём тебе что-нибудь... Приятное. И повесить там...

В общем, истинная правда выглядела наименее убедительно. Скажи я, что изучала в журнале и вырезала рецепты по кулинарии – и то звучало бы лучше. Даже несмотря на то, что совсем не умею готовить, стесняюсь того, что не умею, и поэтому никогда ничего не готовлю. Готовит нам обоим Эдуард, готовит на двоих, и делает это превосходно.

– Па-нятно, – всё-таки смягчился Мой Фиэр, – что ж, любые знаки внимания приветствуются! – и важно покинул комнату, не стал мелочиться в том, чтобы потребовать предоставить саму заготовку плаката в виде доказательства. Или просто не стал ставить меня в ещё более неловкую ситуацию.

Это всё было вчера, не успела помыться, не сделала постер, работу я вчера тоже так и не нашла, но зато запомнила главное – что знаки внимания приветствуются. И вот с утра пораньше (для меня это полдень) – я делаю любимому знак. Посылаю из спальни в его кабинет электронное письмо.

Он просыпается всегда рано, около восьми, варит кофе и с чашкой отправляется работать в кабинет. Я видела, как он просыпается, лишь пару раз. На это время приходится мой самый глубокий сон, когда я ничего не слышу, – ночная работа так повлияла на режим. Пока что – необратимо. Поэтому до трёх часов ночи я ворочаюсь, мучительно думы думаю, цепенею, никак не могу уснуть. Эдуард же живёт разумно, по грамотному режиму, под который я никак не могу подстроиться. Я много лет не сплю ночами.

В общем, мне известно, чем он там занят, тут и гадать нечего: он уже давным-давно бодр, сидит в своём кабинете, за своим компьютером, за своей работой. Занят чем-то важным.

Я, вскочивши, усаживаюсь за свой компьютер, который я привезла из Петербурга – в «своей» комнате. Таким образом получается, что оба мы в соседних комнатах сидим за компьютерами, как бы рядышком, совершенно одинаково сидим, и разделяет нас всего лишь стена. Заняты. Важным. Мой Фиэр работает, а я делаю ему «романтический знак», который он в ближайшие несколько минут обнаружит.

Встречаться поутру и приветствоваться – такого у нас не принято, ни к чему эти лишние формальности, поедающие драгоценное время. Он сосредоточен на делах, а сама я идти к нему, стучаться, говорить банальности из серии: «Как настроение?», «Что делаешь?» – тоже не хочу. Встречаемся мы уже тогда, когда я завтракаю. И то не всегда – только если Эдуард ко мне на кухню выходит. Впрочем, в этом случае банальности всё равно неизбежны.

– Привет, – говорит он мне и обязательно включает радио. Как бы за этим шёл.

– Привет, – отвечаю я и завтракаю изо всех сил. Якобы при деле. Тут я выработала ещё одну некрасивую привычку – завтракать с книгой. Усаживаюсь, жую, пью чай и читаю. Хотя раньше читала где угодно – в ванной, в постели, в гримёрках клубов и института, но никогда – за обеденным столом. Привычка возникла по трём причинам: 1) читать в постели у меня теперь нет времени; 2) если Эдуард когда-нибудь обнаружит меня читающей в нашей ванной, что посреди кухни, он, полагаю, тогда точно обратится за помощью в сумасшедший дом. За помощью мне, разумеется. Такое ленно-пенное буржуйство недопустимо; 3) книгу я приношу ещё и с той целью, чтобы иметь возможность поменьше разговаривать. Когда Мой Фиэр на кухне появится.

Когда я открываю рот рядом с ним, то, мне кажется, извергаю в мир чудовищный набор глупостей. У нас редко получается красивый диалог. Если наблюдать совсем честно, диалог получается только тогда, когда мы пьяны. Или хотя бы пьян кто-нибудь один из нас. Обычно это я. В трезвом рассудке диалога нет. И это тоже по моей вине. И дело, подозреваю, отнюдь не в том, что я не умею слов связать, – это я ещё как могу, три курса режиссуры за плечами, заболтала бы кого угодно, да хоть Жириновского...

Только с Фиэром не получается, никакая моя режиссура тут не работает.

Но всё-таки основное мучение для меня – это не утро, а поздний вечер, когда уже нужно спать и Фиэр ложится и спит, а мне-то никак не уснуть! Я уже даже научилась лежать и не шевелиться часами. Прodelываю трюк: замираю и запрещаю себе двигать телом. Полностью запрещаю – даже шевельнуть мизинцем ноги нельзя. В детстве такой трюк уснуть помогал. Но теперь не помогает. В результате я всё равно засыпаю постепенно лишь под утро...

Единожды я набралась-таки смелости и вышла на цыпочках полтретьего ночи на кухню, прихватив ноутбук. Расположилась за обеденным столом, плотно прикрыла кухонную дверь и решила писать книгу. И вот стоило мне только нащупать линию поведения моей главной героини в тот момент, когда она вот уже... В общем, неважно, что и когда она, потому что моей героине не суждено было себя как-либо повести. Вместо неё себя повёл Мой Фиэр. Он резко распахнул дверь на кухню с вопросом:

– Ты что, охерела? (Конечно, он произносит другое слово.)

Я действительно чуть не описалась от неожиданности.

– Что ты делаешь? Какого ты здесь расселась? Твою мать, три часа ночи! Ты что, переписываешься там с кем-то в компьютере?

– Как я могу?.. У меня же нет в ноутбуке интернета... – залепетала я. Хотя само по себе это оправдание уже глупое: при чём тут вообще интернет? Как я могу с кем-то переписываться? Мне не с кем. Эдуард здесь, со мной. Кто мне ещё нужен-то?..

– Немедленно иди в кровать. Ночью нужно спать.

– Спи сам, – заныла я, – я не могу уснуть!

– А я не могу уснуть, когда кто-то тут сидит.

– Кто-то... – вздохнула я и под надзором Фиэра поплелась по коридору в спальню.

Ясно, что больше я ночью никуда не вставала. Разве что на пару минут – как бы в туалет и покурить украдкой. Такое курение, впрочем, тоже та ещё радость – с каждой затяжкой думать о том, что Фиэр придёт и сцена повторится. Так что то время, на которое я еженощно превращаюсь в пресмыкающееся и не шевелюсь, тянется неумолимо долго. Я успеваю подумать обо всём на свете, полюбоваться спящим Фиэром, ощутить, что счастлива, обидеться на Фиэра за его жёсткость, решить, что он, возможно, решил влюбиться в меня лишь назло своей пока ещё законной жене, чтобы унять разочарование от их дрязг; тогда я успеваю вздохнуть о том, что несчастна, всплакнуть, приобнять Фиэра... В общем, всё, кроме сна... И книг я теперь по ночам уж точно не пишу.

Теперь я пытаюсь писать книгу днём. По совету Фиэра, как он, утром до обеда и днём вместо обеда. У меня не получается. Отвлекают посторонние мысли, не покидает тревога из-за того, что в Москве я болтаюсь, как говно (почему все всегда болтаются, как говно?), – ни работы, ни института... Но это всё мелочи. Это такая ерунда в сравнении с тем страшным, что происходит на самом деле. А на самом деле случилось вот что: я потеряла опоры. И из-за этого не могу ничего написать. Любовь я нашла, а себя – потеряла. Нет, настоящих опор у меня и раньше совсем не было, это правда. Но, скажем так, хоть какую-то свою правду я могла выстраивать как раз вопреки отсутствию этих опор, как бы на этой почве. Год назад я написала пьесу «Мечты сбываются!», в которой рассказывала о девяностых и нулевых на примере одной отдельно взятой семьи. Моей семьи. Поставила эту пьесу на третьем курсе моего режиссёрского факультета с тремя актрисами-однокурсницами, все они играли одну главную

героиню, меня, в разные периоды времени. Учителя сказали одно: что это – настоящее искусство. А недолголюбивающие, не понимающие меня одноклассники – молчали, а кто-то даже плакал. Я победила. Так что я уже знаю, как это, что есть единственное поле, доступное мне для побед, поле, где я могу стать сильна и быть сильна. Семьи нет, денег нет, дома нет, покоя нет, а талант – есть. Вот тот самый первый сигнал, что я транслировала Фиэру, и он его понял и принял. Потому что изначально, по сути, мы с ним очень похожи в наших стартовых точках. Если отбросить то, что эта его точка была несколько десятков лет назад... Возможно, в этом причина того, что он особенно жёсток со мной. Может быть, он так воспитывает меня из-за сочувствия, оттого, что видит лучше меня самой, без прикрас, в какой на самом деле я жопе, как мне несколько десятков лет, а может быть, и всю жизнь придётся бороться. Поэтому он совсем не щадит меня, не льстит, не заигрывает, а порой и вовсе перебарщивает, и тогда я совсем теряюсь, уже не на пользу – сам знает. И тогда приговаривает: «Ну извини, ладно, извини, тюрьма меня испортила».

В общем, за тем, что я пишу сейчас, сидя трепетной мышью в соседней с гением комнате, нет никакой моей правды. Я не верю в то, что пишу. Так что писать нет никакого смысла.

И вот я восседаю за компьютером и делаю вид, что пишу книгу. Хотя, конечно, даже исходя из теории относительности, одно такое общее пространство никак не может быть населено сразу двумя писателями. Один, гениальный писатель подавляет другого, начинающего.

Я могла бы, конечно, занять себя для вида и чем-то иным. Но я ничем занять себя не могу. По той простой

причине, что я ничего не умею. Даже вот подоконник за моим компом вымыть от сажи не могу уже который день. А зачем? На подоконнике красуются цветы в горшках, и среди них – мой кипарис. И это, видимо, они сами, все эти цветы, если долго наблюдать, как я, сидя часами напротив, разбрасывают излишки почвы вокруг своих горшков. Пачкают подоконник умышленно, как бы отвоёвывая себе пространство за неимением сада. В их планах, всё возможно, совершить революцию и захватить всё пространство подоконника для своих проклюнувшихся отростков. Каждая тварь желает большего. Таковы их, кактусов и алоэ, проделки. Не буду мыть подоконник. Пусть растут.

Так что я прилипла к клавиатуре. Возможно, неведомые силы волшебным образом возьмут меня в охапку и заставят писать книгу. Пока что писать мне слишком больно. Наверное, размышления снова уходят не в ту сторону, у рожениц очень болезненные схватки... Я не знаю и не знаю, узнаю ли, ведь до тех пор, пока у меня нет вообще никакого дома, я сама как неокрепший ребёнок в своих возможностях и о собственном ребёнке не может быть и речи...

Я зачем-то начинаю думать о роженицах. Хотя да, уж мне-то это совсем ни к чему. Учитывая ещё и то, что законной жене Эдуарда предстоит в скором времени рожать второго ребёнка. От Эдуарда.

Я не видела, но знаю, что в его паспорте Российской Федерации есть штамп. И штамп будет до тех пор, пока Эдуард не разведётся. По его словам, это как минимум, до тех пор, пока его младшему ребёнку не исполнится год. Тому ребёнку, которого пока ещё нет, но он – в ближайшем будущем, вот-вот, через пару недель. Девочка. Мы все этого безмолвно ожидаем. И я как бы тоже. Но не

очень. Я совсем недалёководна в таких вещах, не моё это дело.

Что я об этом думаю?

А ничего я об этом всё́м особо не думаю. Вот сейчас подумала, а обычно – не думаю. Потому что если задумываться, то мне, как бы из гуманных соображений, стоило бы исчезнуть. А то ерунда какая-то: есть беременная жена, я сожительница – чёрт голову сломит. Правильно было бы мне не вмешиваться в эту историю. Я и не вмешиваюсь.

Но я уже есть. Я уже здесь. Наличие меня неопровержимо, каждую ночь подтверждается.

Как-то вечером, сразу после ужина, Эдуард смывал с меня пену. Сначала я сидела в ванной, он подавал мне ужин прямо в ванную, потом вино. Это был хороший вечер, и мы так веселились, не в первый и не в последний раз. И вот, смывая с меня пену, он пробубнил куда-то: «Надо будет потом развестись». Мне стало неловко, и я увела беседу в шутку: «Обязательно, чтобы жениться на мне!» Он заулыбался почему-то:

– А ты что, хочешь? – ведь понимает, что в действительности эти вещи меня не волнуют.

– Конечно хочу, давай! – игриво заявила я.

– Ну, будешь тогда аж моей седьмой женой, – почему-то весь этот диалог обоим показался смешным. Или просто этот смех был прикрытием досадного для столь счастливого вечера осознания, что, конечно, ничему такому не бывать, этим фантазиям.

А чему бывать?

Я ведь действительно не хочу быть никакой женой, уж тем более седьмой. И знаю, что вместе мы долго не будем, есть это чёткое понимание. Что я тогда вообще от него хочу? А это сложно сформулировать. Когда-нибудь сформулирую.

Люблю его. Люблю не сегодня, не вчера и не завтра. Люблю всегда и всего. Люблю от стартовой точки его возникновения во вселенной и до бесконечности. И то, что является реальностью сегодня, завтра станет прошлым. А любовь моя останется навсегда.

Хватит думать о роженицах.

Лучше бы самой что-то выродить.

Выродить получается одно – примитивное желание поставить компакт-диск с самой настоящей порнухой. Не просто так, но с целью познания и разрешения актуальной ныне проблемы: я не кончаю.

Я и до двадцати лет не так чтобы особо, но это не было проблемой. Я, признаться, вообще медленно соображаю и всё делаю долго, если речь идёт не о подсчёте денег на чаевые за танцы. В двадцать лет оргазм пришёл, и я стала кончать. К этому буквально приложил руку мой широкодушный еврей. А теперь – перестала. Есть к чему стремиться в любви.

А с Фиэром – не получается. Я могу, если он не видит. Я могу, если я под одеялом. Я могу, если он спит. Я могу, когда он пьян... Но так, чтобы он заметил, я никак не могу!

И с этим нужно что-то делать, Фиэр недоволен, обижается.

Мой Фиэр у меня как Прекрасная Дама у Блока, вот в чём проблема. Мой лирический Герой. И как, посоветуйте, на Лирического Героя можно вот прям в открытую?

Я так не могу. Тут на карту поставлена вся моя жизнь – и как мне, голой чучей усесться на эту самую карту, что ли?!..

Я выключаю звук компьютера и завожу диск, заранее позаботившись о конспирации. На мониторе компа я оставляю открытое окно с текстом своей будущей книги. В случае шухера можно будет свернуть окно с самой настоящей порнухой и продолжить «писать книгу».

Снимаю штаны и сижу за компьютером в одной лишь майке. Просто лето, очень жарко. Это всё на тот случай, если Эдуард вдруг зайдёт. И он, естественно, заходит. В самый насыщенный момент моего общения с кинематографом – сюжет захватывающий: отворилась входная дверь, и в гости к даме пришли два ниггера, какой-то белобрысый прибалт и один кореец.

Дверь в мою комнату тоже отворилась, и ко мне пришёл Эдуард:

– Что ты, Зверь, притаился? Что-то задумал? – Чутьё его не подводит. Зверь задумал.

Я успеваю свернуть окно с видео одним кликом, положить ногу на ногу, соорудить задумчивое выражение лица и в муках склониться над клавиатурой.

– А, ты работаешь... – догадывается мой мужчина. – Ну хорошо, не буду отвлекать тебя, – и прикрывает дверь. То, что я без трусов, его совсем не удивляет. Лето ведь... Слышу – направляется на кухню. Будет варить кофе.

Я, переведя дыхание, возвращаю окно с видеофильмом на монитор и вижу, что все четверо ребят уже разделись, тоже лето, и разместились около гостеприимной актрисы. И когда это успели? Придётся начинать «работу» заново или с нового сюжета, потому как этот от меня уже беспощадно ускользнул. «Работаю»... Стыдно признаться Эдуарду в том, что ничего я не пишу. Тем более учитывая, как серьёзно он относится к делу. Тот факт, что человек что-то пишет, он называет работой. Только это он работает, а я нет. Потому что он получает за это деньги, я же, конечно, не получила ещё ни копейки. И, к этому я готова, возможно, не получу никогда. У меня нет иллюзий насчёт заработков художников, тем более таких диких, как я. Я да, со стороны произвожу впечатление диковатой, как будто не знаешь, чего от меня ожидать, и лучше тогда ни о чём не договариваться. Это совсем не так: будь

оно так, я бы не смогла ни учиться, ни спектакль ставить; со мной можно прекрасно договориться о деле. Однако впечатление я произвожу обратное...

Как же здорово, что придумала я себе работу – танцы.

Есть вроде бы как ещё один выход. Он называется «найти мужика». Сейчас это советуют себе и друг другу все мои ровесницы, об этом каком-то мифическом мужике ходят легенды, которого надо где-то найти. И тогда он вот возьмёт и будет за всё платить. Почти все находятся перманентно в поиске этого мужика, иногда мужик находится, но, оказывается, не тот, и поиски продолжаются...

Так что вроде бы вариант, но не мой вариант. Я не смогу быть долго ни с кем только ради денег, без любви – напьюсь и начну их посылать, себе же в ущерб, такой вот дерьмовый характер. Так что пусть лучше все мужики приходят просто на мои танцы и дают чаевые.

Мой последний и единственный роман с «полуолигархом» продлился месяц и закончился тем, что я собрала вещи и бежала от него со всех ног, взыв от предсказуемости и безоблачности сожителства. Мужик был искренен, искренне хотел меня пользоваться от души, водить меня и мою подругу Милу на показ друзьям в рестораны и модные клубы, купил мне декорации для спектакля «Мечты сбываются!», дал одну из своих пластиковых карт, куда клал деньги, совсем немного, на текущие расходы в институте, и поселил меня к себе жить. То есть всё бы ничего, претензий тут никаких нет. Если бы не одно «но»: сам этот мужик, сам тот факт, что он есть, омрачал все прелести свалившихся благ. Я не любила его и не смогла полюбить, каждая отвратительная минута с ним была мучением. Собрала вещи и позвонила своему небогатому широкодушному еврею, чтобы тот меня забрал. Так я попробовала «найти мужика», и у меня получилось, но не получилось...

– Может быть, он хотел жениться на тебе, а ты ушла, причинила ему зло! – иронизирует Эдуард, когда я рассказываю ему эту историю, чтобы немного попугать его этим мифическим мужиком, как дура. То есть, мол, вот найду и «причину зло» на этот раз уже тебе.

– Так это не зло, это добро! – шучу я в ответ.

– Остроумно. Впервые слышу от тебя столь искреннюю правду, – мы смеёмся.

Так что мужика я уже нашла, можно сказать. Сидит там, достал селёдку и поедает. Это как деликатес, иногда позволяет себе днём, вне сложившегося графика с одним приёмом пищи в сутки.

Мужик найден, себя бы найти.

Для этого включаю следующую серию самой настоящей порнухи и внимательно наблюдаю за происходящим на экране. На этот раз получается быстро. За несколько мгновений до «нахождения себя» Зверь совершает задуманное – вскакивает, бежит на кухню со всех лап, чтобы успеть настигнуть там Фиэра. Но... и где же он? Я же слышала, что здесь! Только не это...

Проехали.

Я ошиблась. Фиэра на кухне уже нет, он «у себя». «К нему» добежать я уже не успею и, облокотившись на стол, встречаю этот бесполезный оргазм. Попытка не удалась. В кофейнике вздымается пена и заливает плиту. Гашу огонь. Курю.

Ничего страшного, решаю я. И возвращаюсь к компьютеру. Пять человек на экране – две влюблённые пары и, кажется, их садовник – ползают в траве.

Я усаживаюсь поудобнее, где там следующий сюжет? Просто так я не отступлюсь!

На этот раз дано: одна разнополая пара в конюшне. Пока что просто смотрят лошадей. Лошади красивые, пара – не очень. Но делать нечего – это последний не

отсмотренный мною сюжет на диске. Приступаю к делу, уже лениво, даже с каким-то отвращением. Когда ковбой снимает трусы со своей спутницы, мне становится противно. С досадой выключаю фильм.

И как теперь быть?

Возможно, я всё делаю неправильно. Потому что эти люди, которых мне тут показывают, лично к нам с Моим Фиэром не имеют никакого отношения. Я, таким образом, не вникаю в суть вопроса, а, наоборот, отвлекаюсь не на то. К такому прихожу я выводу.

И делаю отчаянный шаг – вывожу на монитор фотографию Эдуарда.

Первые несколько минут сижу в оцепенении. Не сразу готова надругаться над фотографией Моего Фиэра. Но, получается, иного пути у меня нет. В конце концов, я делаю это во имя нашего общего блага.

Смотрю на фотографию в упор, вглядываюсь в детали так, чтобы смогла чётко воспроизвести её в воображении, если захочу. Кладу левую руку себе на живот. Я – левша.

Мой Фиэр строго и безмолвно взирает на меня. Меня переполняет смущение. Зажмуриваюсь, ощущая, как он сейчас наблюдает за мной, в моём унижительном положении, с фотографии. Мне стыдно открыть глаза, но фотографию я запомнила, я её выучила, я знаю... Знаю... Главное – избавиться от лишнего стыда. Смотри на меня, смотри, мне не стыдно...

Скоро я пулей вылетаю из комнаты и стучусь в кабинет Фиэра.

– Да-да... – вкрадчиво отвечает он. Это означает, что я могу зайти. И я врываюсь. Эдуард спокойно сидит себе за столом, спиной ко мне, склонился, что-то пишет. Может быть, опять повествует о том, как он когда-то кого-то, как те люди в кинематографе.

А мне нельзя терять времени. Я со спины набрасываюсь на Фиэра и целую его куда удаётся.

– Что-то случилось? – Эдуард невозмутим. У меня же нет времени объяснять, что именно случается, иначе не случится ничего. Зверь вцепился в Фиэра и жадно целует.

– Я тебя люблю! – почти кричу я. Вот, мол, что случилось. Сейчас! Сейчас...

– Не говори глупостей. – Эдуард кладёт ручку на стол, отставляет кружку подальше и отстраняется от меня. – Лена, я работаю, ты разве не видишь? Не отвлекай меня. Не мешай.

Я убегая вон, как тот нагадивший котёнок, который и сам знает, что нагадил. Выключаю компьютер, опускаюсь лбом на клавиатуру и тихо всхлипываю.

Поздним вечером мы молча лежим в постели и читаем книги. Сегодня мы не смотрим кино и даже не выпиваем. Необходимо себя чем-то занять, пройти процедуру «перехода ко сну». И мы читаем.

Я лежу на своей половине кровати, Эдуард – на своей. Мне читать, как и писать, впрочем, уже давно не хочется. Так что я больше притворяюсь, что читаю, сосредоточив взгляд на первой попавшейся странице. Опять размышляю, что-то грустно, выводы неутешительны. Грустно, что так оно получилось, с этими оргазмами, так глупо это всё. Наверное – какое неожиданное озарение! – всё куда проще. Это просто я сама всё утрирую и преувеличиваю. На деле же всё очень просто и всё хорошо: Мой Фиэр рядом. Он тут, в нескольких от меня сантиметрах, он не уйдёт, он вчера спал рядом со мной, и сегодня разлётся тут, и завтра... А что будет завтра? – лезет мысль.

До чего же я слабое существо! Мне бы радоваться, наслаждаться счастьем, мне же, по сути, ничего более не надо – только бы он лежал рядом со мной. Пусть лежит рядом со мной, и сегодня, и завтра, пусть мы умрём вместе, пусть нас вместе закопают, чтобы мы так и лежали – вместе. Мне более ничего не надо, слышите?

Или надо?..

Ау, куда ушло озарение?

Мои трезвые полуночные размышления навевают противную тоску, я сама себе противна. Ведь именно благодаря всем этим моим лишним страхам, только из-за них всё очень скоро закончится. И я это понимаю прекрасно. Так произойдёт именно потому, что я боюсь этого. Я вручила ему свою жизнь и, как её жить дальше, что предпринимать – не могу разобраться. А он мне ничем не обязан. Я боюсь потерять Моего Фиэра. И потеряю. Потому что боюсь. Ну не надо, не надо бояться – успокаиваю я саму себя. Не помогает. Сочиняется стих:

Прыг! – муха по столу.

А я – по ветру.

Разветрю свои страсти.

На ветру

Они взбунтуются –

Окажутся, где «это».

По нраву им –

Там слова нет «уйду».

А там, где «это», –

Там всегда +30.

А в худшем случае –

Возможно, 25.

И там, где «это»,

Запросто случится,

Что я смогу шутя
Тебя обнять...

Брыньк! – капля из кранов.
А я – от тела.
Отвинчиваю сердце –
Пусть оно...
Пусть будет моё сердце
Приглашением.
Куда? Туда.
Где слова нет «прошло».

А там, где «это», –
Там всегда мне двадцать.
А в худшем случае...
А в худшем – двадцать вновь!
Но там, где «это»...
Нам не повстречаться.
Ведь «это» называется –
Любовь.
Бах! – пулю в затылок...»

Ну сказал бы он хоть что-нибудь ободряющее вместо уже привычных воспитательных упрёков, обнял бы меня: «Зверь, пора спать, хватит шелестеть. Завтра мы...»

Но он лежит, читает и молчит. И ничего не говорит мне. Ничегошеньки.

Я закрываю книгу, кладу её под кровать и, отвернувшись набок, замираю.

– Что, Зверь, будем спать? – предлагает Эдуард.

– Угу.

Он встаёт, гасит свет и аккуратно укладывается под одеяло. Пока что у нас ещё даже одно одеяло на двоих. Хоть это и так неудобно обоим.

– Да, давай спать, – мирно повторяет Мой Фиэр. – Что прочитала? – вдруг спрашивает в темноте.

– Мало, – отвечаю честно я.

– Читаешь одну книгу в месяц.

– Да, – соглашаюсь, – я вообще ничего не делаю. Я устала от безделья. Мне плохо от этого. У меня всё из рук валится. Не могу себе найти занятия в этой Москве, кроме тебя.

– Плохо, – оценивает Эдуард, – ты празднично проводишь всё своё время.

Упрёк этот обоснован, что уж там...

– Послушай... – вдруг отвечаю ему я во мраке. – Почему ты так груб со мной? Я всё знаю, это сейчас так. Я всё себе найду тут. Найду клуб, чтоб работать. Переведусь сюда в театральный вуз. Это пока что я не нашла, запуталась. Думаешь, я сама не переживаю?

– Думаю, тебе не хватает упорства, – резюмирует Эдуард.

– Зря ты так со мной, – решаюсь я, – зря. Я всё сделаю. Только не упрекай меня, пожалуйста. Со мной так не работает. К тому же... – Я ненадолго замолчала, подбирая слова, как бы пытаюсь объяснить происходящее. – К тому же я сейчас много занимаюсь тобой.

– Как это ты, интересно, занимаешься мной? – усмехнулся Эдуард.

– Нечего смеяться. Я изучаю тебя и хочу посвятить тебе свою жизнь, хоть как-то... Чем смогу... Я никогда не забуду о тебе, это я обещаю, и всем о тебе буду рассказывать, если когда-нибудь это будет надо, сейчас не надо, но если будет надо... Я научусь, я напишу о тебе...

Какое-то время Эдуард молчит в сумраке. Потом вдруг пододвигается ко мне, загребает всю меня рукою, прилоняет к себе и целует в мочку уха.

– Ты и правда хочешь посвятить мне свою жизнь? – переспрашивает.

– Да. Когда я говорю, что люблю тебя, я что-то такое имею в виду... Что я опять не так сказала?

– Нет. Всё так. Только не пиши сейчас. Сейчас пока и правда не надо... Иногда писать о настоящем – это убивать настоящее. Ты поймёшь, когда надо...

Какое-то время мы лежим молча.

Он прижимает меня к себе ещё сильнее.

– Я мечтал всегда, чтобы кто-нибудь посвятил мне свою жизнь. И я сейчас буду спать, обняв тебя и счастливый, – серьёзно говорит он.

И мы ещё долго так лежим – обнявшись, обомлев.

– Спи, Зверь, – ласково командует он наконец-то, – а завтра мы уедем далеко, в деревню. Там у меня живёт один художник – замечательный старик. И вообще, продолжение следует...